Вологдина Елена Сергеевна – аспирант кафедры «Социальная работа» ГОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (г. Комсомольск-на-Амуре). E-mail: Vologdina-el@yandex.ru.

# Государственная политика в отношении корейских мигрантов на Советском Дальнем востоке в 20 – 30-х годах XX века

Статья посвящена вопросам деятельности советских органов власти по реализации политики в отношении корейских мигрантов. Рассмотрены основные мероприятия по интеграции корейцев в социально-экономическую жизнь Дальнего Востока.

**Ключевые слова:** Дальний Восток, корейские мигранты, государственная политика.

Серьезной проблемой для Российского Дальнего Востока является уменьшение численности населения. Демографическая ситуация осложняется продолжающимся оттоком русскоязычного населения в Европейскую часть России. Это сопровождается усилением миграционного потока граждан из соседних азиатских стран.

В связи с этим, представляет интерес исторический опыт осуществления государственной политики советской России в отношении корейской миграции, так как она характеризовалась переселением семей на постоянное жительство в Дальневосточный регион.

Иммиграция китайцев, вне зависимости от интенсивности процесса, была ориентирована на временное пребывание с целью получения максимально возможного экономического эффекта.

В жизни Дальневосточного региона России в 20 – 30-е годы прошлого века активно участвовали корейские мигранты, которые восполняли нехватку трудовых ресурсов, в основном, в сельском хозяйстве.

На первых порах партийные и советские органы власти не предпринимали запретительных мер в отношении семей корейцев, особенно тех, которые желали получить советское гражданство.

Данные о численности корейского населения на территории Дальневосточной области в 1923 году разняться. А. Кузин в своей книге «Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы» приводит цифру в 106,6 тыс. [1]. По данным переписи сельского и городского населения 1923 г., общая численность корейского населения в крае составила 110280 человек [2]. По данным Комиссии по корейскому вопросу Дальревкома, в 1923 году в Приморской губернии проживало свыше 120980 корейцев. Трудности регистрации корейских хозяйств были связаны с тем, что они были малодворными и разобщены между собой. В основном, корейские поселения располагались в долинах рек и на горных склонах, вдали от густонаселенных пунктов и  не имели удобных путей сообщения.

В последующие годы численность корейского населения в регионе постоянно увеличивалась. В 1925 году в крае насчитывалось 140073 корейца, что составляло 8,65% от всего населения региона [3].

С целью упорядочения нахождения корейских мигрантов на территории края, Постановление Дальневосточного революционного комитета от 8 мая 1923 г. ввело в действие Инструкцию Народного комиссариата внутренних дел от 14 февраля 1921 г. «О выдаче видов на жительство иностранным гражданам» [4]. Согласно этой инструкции, все корейские граждане иностранного подданства в течение двух месяцев со дня оформления визы должны были подать заявление для получения вида на жительство установленного образца. Губернское управление внутренних дел выдавало гражданину Кореи, предъявившему национальный паспорт, «Вид на жительство» сроком до 6 месяцев. Местные органы могли его продлевать, но не более чем на 6 месяцев. Иммигрантам, не предоставившим национальный паспорт, выдавались временные трехмесячные виды на жительство для возможности предоставления в этот срок соответствующих документов. При предъявлении документов временные удостоверения продлевались. При отъезде за границу «Вид на жительство» обменивался на национальный паспорт.

Постановление Дальревкома от 25 июля 1924 г. «Об упрощенном порядке приема в советское гражданство корейцев-трудящихся, переселившихся в ДВО до 1918 года» [5], предусматривало освобождение корейцев от представления при заявлении о принятии в советское гражданство национальных паспортов. Достаточно было предоставить удостоверение, выдаваемое Волисполкомами и Сельсоветами, в котором подтверждался срок пребывания на территории РСФСР, род занятий и лояльное отношение к советской власти.

За 1923 – 1924 года в Приморской губернии советское гражданство получили 12783 корейца из 18497 человек, подавших заявления [6].

Для оптимизации работы среди корейских мигрантов в 1922 г. при региональных администрациях были учреждены должности уполномоченных по корейским делам. В их ведомство входило наблюдение за проведением в жизнь национальной политики советской власти на местах по отношению к корейскому населению, а также изучение экономического и правового положения корейцев и содействие их материальному и культурному развитию. С корейским населением работали инструкторы, которых не хватало. Найти в требуемом количестве русских, которые отлично владели корейским языком или политически грамотных корейцев, которые отлично владели русским, было очень сложно.

В 20 – 30-е годы шел процесс активной интеграции корейских трудящихся в социально-экономическую жизнь региона.

Так как основным занятием корейцев было сельское хозяйство, то самой серьезной проблемой являлось безземелье или малоземелье корейского населения. Корейским семьям приходилось брать землю в аренду за высокую плату. Например, по данным земельного управления, во

Владивостокском округе на 1 октября 1926 года из 18809 корейских хозяйств 10892 двора были безземельными и арендовавшими земли у райисполкомов и местных крестьян [7].

Арендуя земли под посевы риса у райисполкомов, корейское хозяйство платило по 30 рублей и выше за десятину, отдельно оплачивая еще 30 рублей за водопользование с орошаемой десятины рисового поля. С местными крестьянами, сдававшими в аренду земли, корейские семьи расплачивались натурой: за десятину под рис на новых землях – от 15 до 22 пудов обрушенного риса, а за десятину посева риса на старой плантации – от 22 до 40 пудов обрушенного риса и по 40 – 50 пудов соломы с десятины, отдельно оплачивая водопользование или строя самостоятельно оросительные каналы [7, с. 63 – 64].

Земельная неустроенность корейского населения выступала препятствием на пути подъема сельского хозяйства Дальнего Востока и создавала благоприятные условия для эксплуатации корейского населения.

Наделение корейских семей земельными угодьями происходило двумя путями: перераспределение земель зажиточных крестьян; переселение корейцев на целинные земли в других районах Дальнего Востока.

Таким образом, корейцы наделялись землей и, в то же время, отселялись из приграничных районов вглубь региона.

Проблемы территориального размещения корейцев усугублялись с непрерывно продолжавшейся иммиграцией из Кореи и Маньчжурии на Советский Дальний Восток. В январе 1925 г. Народный комиссариат иностранных дел решил "принять все доступные меры для прекращения притока китайцев и корейцев на советскую территорию" и признал необходимым "выработать, в первую очередь, колонизацию из внутренних губерний России", поскольку стихийное заселение Дальнего Востока китайцами и корейцами является "серьезной опасностью" [8].

В конце 20-х годов приток корейских иммигрантов значительно сократился. Этому способствовало усиление охраны границы и ужесточение политики советского государства в отношении азиатской иммиграции.

Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 28 января 1927 г. была утверждена Инструкция об условиях и порядке предоставления земель для нужд сельскохозяйственной иммиграции. Согласно полученным директивам, Далькрайземуправление дало следующее распоряжение. Всем корейцам, вселившимся в край до 15 ноября 1922 года и доказавшим оседлый характер своего проживания, вне зависимости от гражданства, но при обязательном наличии у них политических прав, предоставлять землю в трудовое пользование по возможности на месте проживания и в потребностях, вполне обеспечивающих нужды хозяйства. Тех, кто прибыл после вышеуказанного времени, наделять землей в местах расселения на условиях бесплатной аренды на договорных началах, с последующим переводом на трудовое землепользование или на платную аренду. Лицам, бежавшим на русскую территорию из-за преследований за политическую

деятельность или религиозные убеждения, предоставлять трудовые земельные наделы сразу, независимо от времени вселения.

Чтобы стимулировать расселение корейцев и обеспечить в новых местах приживаемость, на них были распространены льготы, установленные для обычных плановых переселенцев, а также:

- на каждую семью выдавался аванс в 30 рублей на месте выхода и 70 рублей по прибытии в Хабаровск, а общий размер долгосрочной ссудной помощи определялся в 270 рублей, не считая 10% этой суммы, которая шла на общеполезные надобности

- устанавливалась 75% скидка на покупку лесоматериалов для возведения жилых и хозяйственных построек, а также пониженная такса на приобретение топлива;

- в течение 5 лет корейские переселенческие хозяйства освобождались от уплаты единого сельскохозяйственного налога;

- юношам (из числа корейских расселенцев) давалась отсрочка от призыва в армию [1, с. 68 – 69].

В связи с решением о переселении корейского населения устанавливался особый порядок его коллективизации. Имеющие гражданство СССР коллективизировались на общих основаниях путем создания как национальных, так и смешанных русско-коррейских колхозов. Не являющиеся гражданами СССР, не имевшие земельных наделов объединялись в поселковые товарищества и сельхозартели, чтобы в случае необходимости переселять их целыми селениями.

В 1931 году в Дальневосточном регионе было организовано 149 корейских колхозов, объединявших 7442 семьи [9], в 1934 году их число возросло до 200 [1, с. 82].

В эти годы в среде корейского населения разворачивалась культурно-просветительная работа – организовывались ликпункты, корейские клубы, библиотеки и красные уголки, издавались газеты на корейском языке, разрабатывался латинизированный корейский алфавит.

Советские органы власти придавали большое значение исключительному образованию корейского населения, поскольку школы должны были стать проводниками государственной политики.

В 1923 году на территории советского Дальнего Востока функционировали 224 корейские школы, где обучались более 11 тыс. [10] корейских детей. Прошедшая реорганизация предполагала введение в них преподавания как родного, так и русского языков. Главной целью было преодоление этнической замкнутости корейцев и сближение культур корейского населения и народов советского Дальнего Востока.

Партийные и советские учреждения (совместно с органами народного образования) проводили активную работу по «чистке» личного состава корейских учителей с целью установления пригодности их к школьной работе, прежде всего, с политической стороны. Часть учителей была уволена. Школы различных религиозных и политических организаций подлежали закрытию, а частные – передаче в ведение государства. В результате

проведенных мероприятий в регионе в 1926 году насчитывалось корейских школ первой ступени 167, 3, семилеток – 3, школ второй ступени – 1 и школ крестьянской молодежи – 1. В 1925 – 1926 г. было организовано отделение при Владивостотской совпартшколе, отделение рабфака при Дальневосточном государственном университете и педтехникум. В регионе открылись 138 пунктов по ликвидации неграмотности и было развернуто 15 изб-читален. Все избачи содержались за счет средств корейского населения. Были открыты 8 красных уголков и 3 клуба [11].

К 1927 г. число корейских школ составило 172, где обучались 18510 детей. В 1932 – 33 г. в Дальневосточном регионе уже насчитывались 283 корейских школы, в которых 966 учителей обучали 25843 ребенка [12].

Важную роль в деле просвещения корейского населения играла национальная газета «Первое марта», созданная в 1923 году. В Посьетском районе издавалась газета «По пути Ленина». Также на корейском языке выпускался журнал «Новая жизнь». Всего в крае в 20-х годах издавалось 6 газет и 7 журналов на корейском языке.

За первые шесть лет советской власти удалось издать на корейском языке до 180 тыс. экземпляров книг и брошюр [13]. В 1934 г. в Дальневосточном крае насчитывалось 36 корейских авторов.

К середине 30-х годов в Дальневосточном крае на корейском языке издавались газеты: «Авангард», «Рабочий», «Крестьянская газета», «Красная звезда», «Путь Ленина», «Сталинский путь», «Новый мир», «Культура», «Сталинская трибуна», а также ряд журналов.

25 сентября 1932 года во Владивостоке на базе городских драмкружков, культбригады и полупрофессиональной труппы из рабочей молодежи был создан корейский национальный драматический театр.

В конце 30-х годов XX века советское правительство сочло необходимым очистить СССР от иностранцев в силу политических причин. Это решение отразилось на корейском населении региона. Органы власти сомневались в надежности корейцев в случае возникновения военного конфликта на Дальнем Востоке с участием Японии.

Депортация корейцев началась в сентябре 1937 года на основании совместного Постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) №1428-326 «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края», подписанного Сталиным и Молотовым, 171781 человек корейцев были выселены из приграничных районов Дальнего Востока на новое место жительства [14]. Это были некоторые районы Казахстана и Ташкентская область Узбекистана.

Депортация корейцев за пределы ДВ лишила регион значительного количества трудовых ресурсов. Был прерван процесс их вовлечения в социалистическое строительство. Тем самым советские органы власти подтвердили факт преобладания политических интересов над экономическими в развитии Дальнего Востока.

Советское государство потратило значительные ресурсы с целью оказания помощи корейскому населению региона в деле укрепления их

социально-экономического положения, повышения культурного уровня. Выселив корейские семьи из региона, государство свело к нолю все свои усилия по интеграции корейского населения в хозяйственную и культурную жизнь Дальнего Востока.

В настоящее время, когда вновь встает проблема малозаселенности региона, следует учитывать как положительный, так и отрицательный опыт азиатской иммиграции на Дальний Восток в обозначенный период.

*Литература и источники:*


1. *Кузин, А. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы / А. Кузин. – Южно-Сахалинск : Дальневосточное книжное издательство, 1993. – С. 32 ; 68 – 69 ; 82.*
2. *РГИА ДВ. – Ф. Р-2422. – Оп. 1. – Д. 1501. – Л. 14 об.*
3. *РГИА ДВ. – Ф. Р-2413. – Оп. 4. – Д. 100. – Л. 153.*
4. *ГАХК Ф. – Р-58. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 14.*
5. *ГАХК Ф. – Р-58. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 21.*
6. *ГАХК Ф. – П-2. – Оп. 11. – Д. 189. – Л. 337.*
7. *Аносов, С. Д. Корейцы в уссурийском крае / С. Д. Аносов. – Хабаровск – Владивосток : «Книжное Дело», 1928. – С. 63 ; 63 – 64.*
8. *Бугай, Н. Ф. Корейцы в СССР: из истории вопроса о национальной государственности / Н. Ф. Бугай // Восток. – 1993. – С. 152.*
9. *ГАХК. – Ф. Р-724. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 82.*
10. *ГАХК. – Ф. Р-58. – Оп. 1. – Д. 51. – Л. 93.*
11. *РГИА ДВ. – Ф. Р-2413. – Оп. 4. – Д. 100. – Л. 155 об.*
12. *ГАПК. – Ф. Р-25. – Оп. 5. – Д. 10. – Л. 13.*
13. *ГАХК. – Ф. Р-1228. – Оп. 1. – Д. 158. – Л. 6.*
14. *Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине / Бок Зи Коу. – Южно-Сахалинск : Дальневосточное книжное издательство, 1993. – С. 80.*